

ЦИКЛ «СМЕРТЬ И ТЕНЬ»

Мара и Морок
Мара и Морок. Особенная тень
Мара и Морок. 500 лет назад
Морана и Тень. Плетушая
Морана и Тень. Видящий

ЦИКЛ «ПОТОМКИ ПЕРВЫХ»

Золото в тёмной ночи
Достойный высший суд
Безупречная луна
Илос. Начало

ДИЛОГИЯ «ЧЕТЫРЕ ДРАКОНА»

Двойник Запада
Пятый Дракон

РОМАН-ОДНОТОМНИК

Невеста Ноября

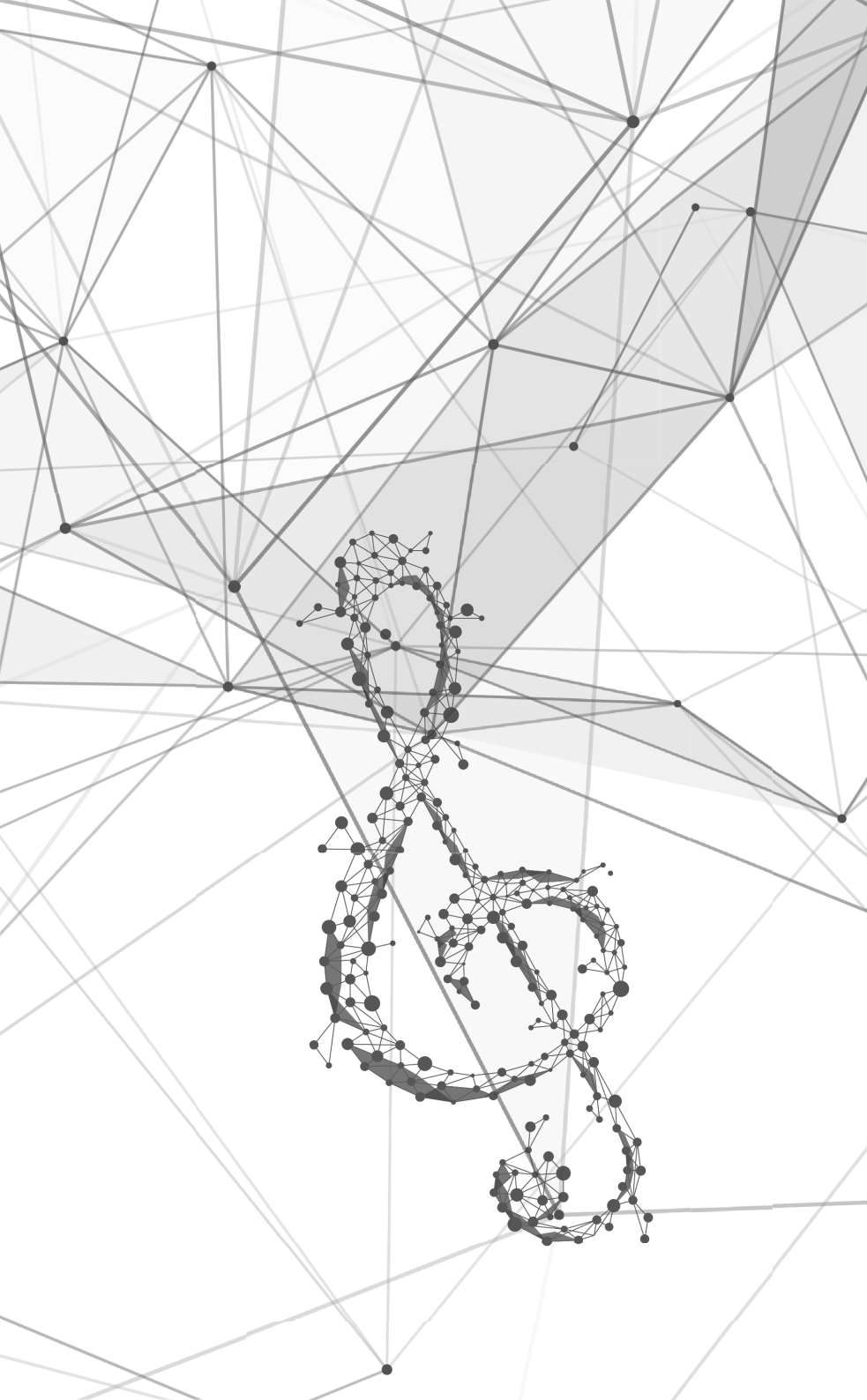
ЦИКЛ «НИТИ СУДЬБЫ»

Во главе раздора
Во главе кошмаров
Во главе конца
Во главе обмана
Во главе закона

ЛИЯ АРДЕН

ВО ГЛАВЕ
ЗАКОНА

FLAEMINCT

Broadside — I Think They Know

BAD OMENS — THE DEATH OF PEACE OF MIND

Lowborn — Devil

CRMNL — Devil Inside

Fallulah — Give us a Little Love

David Kushner — Daylight

Thomas LaRosa — Scream My Name

Jaymes Young — Infinity

*Посвящается всем.
Потому что у каждого в душе есть дверь,
которую невозможно закрыть.*

Пролог

Несмотря на мерное покачивание высоких белых цветов, мир казался обездвиженным, застывшим в одном умиротворяющем мгновении, которое с каждой секундой теряло свою притягательность, становясь нереальным.

Он не знал, где находится.

И как давно.

Смутно припоминал, кем был, но каждая мысль текла вяло, грозя остановиться, замереть под стать окружающему пейзажу.

Он умер, но его окутывала безмятежность. Всё, что должно было волновать или пугать, едва ли имело смысл. Однако странное ощущение, подобное надоедливому зуду, не отпускало. Нечто настолько важное, что он не мог так легко отпустить. Это «что-то» на краю сознания упрямо боролось с забвением, пока взгляд рассеянно наблюдал за неестественно огромным светилом. Будь звезда настоящей, она бы слепила глаза, будь она настоящей, здешние поля давно бы сгорели, и это лишний раз добавляло сюрреалистичности прекрасному пейзажу — бесконечным холмам, покрытым цветущими асфоделусами. Он растерянно провёл рукой по бутонам, достигавшим его бедра. Хотя бы осязание подсказывало, что это не обман.

Он был не один. Вдалеке бродили с десятков неприкаянных душ, которые со схожей растерянностью озирались, то ли пытаясь понять реальность, то ли ища знакомых.

— Чаю?

Он вздрогнул и обернулся. Лицо миловидной девушки озарила успокаивающая улыбка, словно подобная реакция незнакомке уже привычна. Её светлое платье выглядело простым, заплетённые в косу каштановые волосы лежали на плече. В руках девушка держала сверкающий поднос с чашкой чая, в котором плавали белые лепестки. Рядом, будто украшение для предстоящего чаепития, уложили сорванные цветы асфоделуса.

Он подавил бездумную реакцию протянуть руку к напитку, но, оглядевшись, заметил, что к некоторым незнакомцам подошли другие девушки со схожими подносами.

— Не любите чай? — вежливо уточнила собеседница, вынуждая вновь обратить внимание на себя. Раздражённой или уязвлённой она не выглядела, разум уговаривал взять напиток, но нечто внутри сопротивлялось. Неясное предостережение, и всё же у него не было причин отказываться. Ни одного аргумента против.

Незнакомка терпеливо ждала, дав его разуму загнать себя в тупик и сдаться. Проиграв в безмолвной мысленной борьбе, он в итоге поднял руку.

— А ну посторонись!

Он ухватил пустоту: чашка вместе с подносом и незнакомкой дёрнулась влево, когда другая девушка пихнула её бедром, заставив отступить. Незнакомка в светлом платье округлила глаза и ойкнула, пытаясь не разлить чай. Он как замороженный снова потянулся за напитком, но теперь встрявшая девушка безжалостно шлёпнула его по руке:

— Не трожь, болван!

Он заморгал, с трудом фокусируя взгляд на возмутительнице порядка. Серое платье с пышной юбкой было густо украшено персиковыми цветами, а её неестественно розовые волосы роскошными локонами укрывали плечи. Она была слишком яркой для окружающих сдержанных

тонов, слишком резкой и выделяющейся. Пелена бездумной покорности спала, он нахмурил брови, ощутив укол... возмущения?

Болван?

— Ему нужно выпить чай, чтобы...

— Тс! — шикнула на первую девушку розововолосая, отодвинув её с напитком подальше. — Ничего ему не нужно, кроме хорошенькой пощёчины, чтобы пришёл в себя.

Пощёчины?

Он изумился, когда его губы сами невольно дрогнули в усмешке. Станные слова защекотали язык, на укол ему нестерпимо, как по привычке, захотелось ответить схожей дерзостью, но умиротворение скрутило разум раньше, чем он подобрал слова.

— Что... происходит? — с трудом, но выдавил он. Собственный голос казался ему незнакомым.

— Не мешай. Он должен выпить! — потребовала девушка с подносом у второй незнакомки.

— Только посмей дать ему этот чай! — огрызнулась та.

— Это против правил!

— Это земли ожидания, а он мёртв, как и все мы. Уж где-где, а тут с правилами можно повременить, его поезд уже никуда не уедет! — Розововолосая всплеснула руками и затятила глаза.

Кажется, часть про поезд девушку с подносом смутила: она недоумённо захлопала ресницами и умолкла. Мыслительный процесс и сосредоточенность отразились на её лице. А он, к собственному удивлению, издал искренний смешок.

— Я говорил тебе, Сирша, что почти никто не понимает современных фразеологизмов. Лея родом из Палагеды и умерла задолго до соединения трёх миров. — Мужской голос прозвучал мягко, призывая к перемирию.

Обернувшись, он испытал смешанные чувства: лицо было знакомо, но мимика совсем чужая. Мужчина в светлой тунике возвышался на целую голову, девушки и вовсе едва дотягивали ему до плеча.

— Гипнос. — Знакомое имя бездумно сорвалось с губ. — Сирша...

Розововолосая просияла, улыбка сделала её краше.

Кай.

В голове зазвенело от повисшей тишины. Всё вокруг стало совсем чужим. Элион взглянул на собственную руку, внезапно перестав понимать, его ли это тело и есть ли оно у него вообще.

Кассия.

Иво.

В груди заболело.

Мейв.

Мама.

Невидимую плотину прорвало, имена и события градом обрушились на его разум. Перед глазами замелькали пятна, а зовущие голоса потонули за гулом воспоминаний. Он вновь прочувствовал тысячи событий, вся жизнь буквально пронеслась в голове, тараном пробив мысли, и это заняло далеко не миг. Тело одеревенело, пока сознание то и дело окунали в сотни пережитых им эмоций.

Элион пришёл в себя от неуверенного прикосновения к плечу. Он вздрогнул так сильно, что Сирша моментально отступила на шаг. Ему по-прежнему казалось, что земля качалась под ногами, а пейзаж пестрел светлыми пятнами, которые то и дело вспыхивали, размывая зрение. Элион перевёл ословелый взгляд на мужчину.

— Не Гипнос, — мягко поправил он. — Танатос.

Тяжело дыша, Элион утёр ладонью взмокший лоб, облизал пересохшие губы, пытаясь составить банальную логическую цепочку, но разум продолжал оставаться неподатливым.

По легендам, Танатос был братом-близнецом Гипноса, но их схожесть поразила. Если не считать разницы в росте и длине волос, которые у Танатоса были по плечи, то это было лицо Гипноса, такое, каким Элион его запомнил.

— Я умер, — выдал очевидную истину Элион и почти сразу ощутил привкус крови на языке, запах жжёной плоти.

Его плоти. Тело пробрал крупный озноб, но воспоминание о боли накатило мимолётной волной, которая так же быстро отступила.

— Ты умер, — расслабленно подтвердил Танатос. — Как и мы все.

Наверное, последнее замечание должно было успокоить, но Элион почувствовал горестное разочарование. Его взгляд замер на Сирше. Она ответила понимающей улыбкой, в голубых глазах читался отпечаток сожалений и печали, но ни разбитой, ни горюющей она не выглядела, будто смирилась и нашла нечто новое в своём положении.

— Как ты?

Глаза Сирши округлились — похоже, беспокойство и сам вопрос застали её врасплох. Элион осознавал почему. Не сказать, что они успели стать друзьями, скорее, Сирша не доверяла никому из них, искренне заботясь именно о Кассии.

— Нормально. — Её плечи поникли, а губы тронула более живая улыбка. — Даже хорошо с учётом обстоятельств.

Элион с интересом окинул Сиршу взглядом, в руках она держала папку с ручкой. Незнакомка, которая ранее предлагала ему чай, отошла. Девушка была уже вдалеке и подавала напиток какому-то старику.

— Это был чай из асфоделуса... — догадался Элион, и по его спине поползли мурашки. По легендам, асфоделус называли «цветком забвения», который необходимо съесть на полях ожидания, чтобы всё забыть и подготовиться к новой жизни. Элион с ещё большей благодарностью посмотрел на Сиршу. Она защитила его от потери всех воспоминаний и собственного я. — Спасибо.

Она неловко пожала плечами и отреагировала на благодарность кивком.

— Но как... почему ты по-прежнему здесь? — уточнил Элион, чувствуя себя чуть увереннее. Ему наконец удалось победить неразбериху в голове, мысли потекли легче.

Сирша робко глянула на Танатоса. Улыбка бога смерти была поразительно доброжелательной. Он перенял ини-

циативу и объяснил Элиону про замкнутую часть на землях Фантаса, где он вместе с женой и детьми Гипноса пробыл какое-то время. Потом Морфей, Фобетор и Фантас ушли, найдя своим силам второе рождение в новых детях Гипноса, а Танатос и Пасифея остались взаперти, пока там не появилась Сирша, которую притянуло к богу смерти, потому что её тело похоронили на Переправе. По их рассказу, они всё объяснили Кассии, отыскавшей путь к ним. На этом моменте Элион тяжело осел прямо на цветы асфоделуса, ощутив головокружение от мысли, что и Кассия успела умереть. Но раньше, чем Элион о ней спросил, Танатос заверил, что с Кассией всё в порядке, как и с Иво, Каем и Мейв, потому что никто из них на землях ожидания так и не появился.

— На самом деле настоящая удача, что ты ещё здесь, — встряла Сирша. Она присобрала платье и тоже села на траву. Танатос, несмотря на всю свою божественность, сделал то же самое. — По словам Кассии, ты умер раньше, чем она попала на земли Фантаса.

Элион неловко кивнул, неуверенный, сколько именно простоял в ожидании. Он в целом не понимал, течёт ли время, имеет ли оно здесь какое-либо значение. Хотя, по легендам, души могли задержаться в землях ожидания на целые десятилетия, всё зависело от того, как много тревог тянуло их назад.

— Вы вырвались из запертой части земель Фантаса и, как все умершие, попали сюда, — аккуратно повторил Элион финальную мысль, чтобы удостовериться, что всё правильно понял. Танатос и Сирша кивнули. — Как давно вы здесь?

Сирша глянула на Танатоса, вероятно, тоже не зная ответа.

— Не дольше месяца, если считать по привычному вам течению времени, — пояснил он, потеряв подбородок.

Элион огляделся, осознав, что они встретились скорее чудом: поля тянулись до самого горизонта и терялись где-то вдалеке. Прошёл месяц, а они с Сиршей и Танатосом лишь сейчас пересеклись, и он сам здесь бродил, выходит, не-

дели четыре-пять. Он помнил, как сперва плёлся по полям асфodelуса, но они никак не менялись, крупное светило оставалось на своём месте, небо всегда выцветше-голубое: день здесь никогда не заканчивался. Элион вспомнил, что именно этот словно бы замерший пейзаж в какой-то миг стёр все его мысли и намерения, пленил его своим безмолвием, и Элион просто застыл, забыв, что жизнь — это движение.

Но он умер. Ему уже не нужно было никуда спешить, земли ожидания напоминали болото, которое не держит, но медленно крадёт желание куда-либо стремиться.

Элион потрянул головой, отгоняя возвращающуюся вялость. Он догадался, что вновь провалился куда-то, поймав обеспокоенный взгляд Сирши. Он сосредоточился на ней, на самом ярком пятне здешнего пейзажа.

— Я понимаю, почему Танатос здесь, это одно из его мест... работы. А ты, Сирша? Почему ты не ушла?

— Я его секретарь, — как само собой разумеющееся выдала она, подбородком указав на Танатоса. Бог милосердной смерти отреагировал мягкой улыбкой, а у Элиона едва челюсть не отвисла.

— Ты его...

— Секретарь, — подтвердил за Сиршу Танатос, когда Элион не сумел договорить. — Я верно произнёс слово? — Тут он повернулся к девушке, и она энергично закивала, похоже довольная его успехами.

Успехами бога смерти в заучивании современной лексики.

Элион издал нервный смешок.

— Сирша в любой момент могла бы отправиться дальше, но, попав сюда, сказала, что хочет улучшить земли ожидания. Я в целом не против. Она жизнерадостная и находчивая, да и мне интересно послушать о мире людей, — заверил Танатос.

— Между прочим, чай из асфodelуса — это нововведение и моя идея, — горделиво напомнила Сирша, расправив плечи. — Ещё недавно всем предлагали пожевать сами цве-